

Научная статья
УДК 821.161.1.09“18”
DOI: 10.15393/j9.art.2021.9082

Пьянство как грех в творчестве Ф. М. Достоевского

Е. С. Куйкина

*Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: egene@list.ru

Аннотация. В статье исследована тема пьянства в творчестве Ф. М. Достоевского в аспекте традиции античного пира, на котором вино не только побуждало пирующих к философским беседам и к размышлению о вечных вопросах, но и раскрывало внутреннюю сущность человека — его помыслы и намерения. С чрезмерным употреблением вина также связана античная идея дионисийства — опьянения на празднике Диониса и сопутствующие этому состоянию метаморфозы: потеря человеком человеческого образа и принятие на себя облика звериного. В судьбах героев произведений Достоевского «Бедные люди», «Униженные и оскорбленные», «Записки из подполья», «Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы» античная традиция сочетается с христианским пониманием пира как бражничества — веселья на пиру и пьянства как греха. На страницах еженедельника Достоевского «Гражданин» пьянство рассматривается как тяжелая болезнь, потоп, пожар, нашествие врага, как катастрофа, поражающая народ России. Античная традиция позволяет раскрыть дополнительные смыслы в трактовке темы пьянства у Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, пьянство, бражничество, античная и христианская традиции, Платон, Евангелие

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90037 «Достоевский и античность».

Для цитирования: Куйкина Е. С. Пьянство как грех в творчестве Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1. С. 239–257. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9082

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2021.9082

Excessive Drinking as a Moral Transgression in the Work of F. M. Dostoevsky

Evgeniia S. Kuikina

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: egene@list.ru

Abstract. The article studies the topic of excessive drinking in the works of F. M. Dostoevsky in the light of the tradition of the ancient feast, or symposium. The wine offered at a symposium did not merely incline people to philosophical conversations and discussions about eternal questions, but also revealed the inner human essence, thoughts and intentions. There is ancient understanding of wine as a means of forgetting sorrows and attaining temporary joys. Excessive drinking is associated with the ancient Dionysian idea — excessive drinking at the festival of Dionysus, and the concept of metamorphosis — people lose their human essence and begin to resemble animals. In the fates of the heroes of Dostoevsky's *Poor Folk*, *Humiliated and Insulted*, *Notes from Underground*, *Crime and Punishment*, *Demons*, *The Brothers Karamazov*, the ancient tradition is combined with the Christian understanding of a feast as reveling, and amusements at a feast, and excessive drinking as a moral transgression. On the pages of Dostoevsky's magazine *Citizen* excessive drinking is equated to a serious illness, a flood, a fire, an enemy invasion, that is, to a catastrophe that affects the Russian people. The ancient tradition allows to reveal additional meanings in Dostoevsky's interpretation of the topic of excessive drinking.

Keywords: Dostoevsky, excessive drinking, reveling, ancient and Christian traditions, Plato, the Gospel

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90037.

For citation: Kuikina E. S. Excessive Drinking as a Moral Transgression in the Work of F. M. Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2021, vol. 19, no. 1, pp. 239–257. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9082 (In Russ.)

Взаимодействие основополагающих в русской литературе античной и христианской традиций в последние десятилетия активно изучается. Несмотря на то, что первые исследования античных традиций в творчестве Ф. М. Достоевского появились в отечественной филологии уже в начале XX века (см.: [Иванов]; [Пумпянский]), возобновление этого процесса произошло

в последние годы. Современные исследователи обратились к античным образам, мотивам, реминисценциям в художественных произведениях писателя (см.: [Мальчукова]; [Нилова, 2018, 2019а]; [Скоропадская, 2019, 2020]; [Смирнова, 2020а, б]; [Хамитов]), к влиянию античной эстетики и философии на его творчество (см.: [Аношкина, Касаткин]; [Дудкин]; [Нилова, 2019б]).

В античности существовала культура употребления алкогольных напитков, которая нашла отражение в философии и поэзии. Так, известен мотив пира, симпозиума, застольных бесед философов. На симпозиумах (от лат. *symposium*, или симпосий — от греч. *συμπόσιον* — пиршество), организуемых, как правило, после трапезы, мудрецы обсуждали вопросы истины, добра и красоты (например, «Пир» Платона и «Пир» Ксенофонта, «Пир семи мудрецов» и «Застольные беседы» Плутарха, «Пирующие софисты» Афиняя). Платон в «Законах» излагает порядок проведения симпозиумов и поясняет, что, для того чтобы гость мог свободно открыть свою душу, свои мысли, ему предлагалось вино. Этот напиток был способом испытать друг друга, так как, выпив вино, человек, по словам Платона, становится невоздержанным на язык, точно он мудр, без страха говорит и делает все, что ему угодно. Философ предостерегает, что на пирах должно хранить мерность и остерегаться «излишеств в питье, боясь той победы, какую одерживает этот напиток над всеми людьми»¹.

Таким образом, для античного человека пословица «*In vino veritas*» — истина в вине (Плиний Старший «Естественная история», XIV, 28, 22) — указывала на свойство вина препятствовать лукавству и раскрывать истинное «лицо» пирующего, однако понимание истины в античности было ограничено рамками земного бытия, конечности человеческой жизни.

Античная литература также была знакома с вином как средством забвения печалей, панацеей от всех жизненных неурядиц и политических неустройств. Поэт-аристократ Алкей из Лесбоса, провозглашал:

«К чему раздумьем сердце мрачить, друзья?
Предотвратим ли думой грядущее?
Вино — из всех лекарств лекарство
Против унынья. Напьемся ж пьяны!»².

Феогниду также вино представлялось лучшим способом забыть повседневные будни:

«Выпьешь его — отряхнешь ты заботы тяжелые с сердца.
В голову вступит вино — станет легко на душе»³.

В «Одах» Горация перед читателем рисуются встречи друзей за чашей Фалернского вина (II, 3). Погреб с его запасами был признаком земного благополучия и богатого наследства (II, 14). «Carpe diem» (I, 11) — лови день; «Eheu fugaces, Postume, Postume, labuntur anni...» (II, 14) — увы, годы бегут, жизнь скоро закончится, — увещевает своих читателей Гораций.

Главная печаль античного человека — конечность его земного существования, неминуемость смерти. Античная мысль искала пути преодоления ограниченности земного бытия в философии, религии, искусстве. Дионисийские мистерии в честь бога виноделия и плодородия были поиском божественного начала в жизни. Вино во время Вакханалий было способом приблизиться к природе, слиться с нею, прийти в исступление и через это найти мистическую связь с божеством. Однако на празднике Диониса упивание вином влекло помрачение рассудка, «расчеловечивание» людей и возвращение их в царство бессловесных (см. об этом, напр.: [Мень]). В потере человеком человеческого образа и принятии на себя облика звериного находит отражение идея античного мифологического мировоззрения — метаморфозы (от греч. μεταμόρφωσις — превращение⁴).

Еврипид в трагедии «Вакханки» рисует картину праздника Диониса, во время которого потерявшие рассудок женщины под властью демонических сил похищали младенцев, уносили их в леса и там разбивали о камни и рвали на куски:

«Они несут повсюду разрушенье:
Я видел, как они, детей украв,
Их на плечах несли, не подвязавши,
И на землю не падали малютки»⁵ (753–756).

Овидий в «Метаморфозах» (Кн. 11, 1–84) рассказывает, как вакханки, покрытые шкурами диких зверей, напали на стадо волов и растерзали его. Такая же участь постигла Орфея — легендарного античного певца и музыканта.

Христианство открыло античному миру новое понимание жизни, путь к истине, подарило бессмертие. Для христианства характерно отношение к вину как благословению Божию, ведущему к радости. Вспомним брак в Кане Галилейской. «...Вино <...> веселит сердце человека» (Пс. 103:15), оно не делает человека посмешищем, не унижает его достоинства. Однако христианство предостерегает: «...Не упивайтесь вином, от которого бывает распутство» (Еф. 5:18). «Не обманывайтесь, — говорит Апостол, — ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6:9, 10).

В писаниях святых отцов тема пьянства поднималась с первых веков христианства. Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Не презирай вина, но презирай пьянство», — и далее: «...вино дано для увеселения, а не для того, чтобы безобразить себя; дано для того, чтобы быть веселым, а не для того, чтобы быть посмешищем; дано для укрепления здоровья, а не для расстройства; для уврачевания немощей телесных, а не для ослабления духа»⁶. Пьяному не дано увидеть Царствия Небесного, как и дороги, по которой он идет. Кроме того, пьяницы подвергаются «жесточайшей казни: безумному унынию, неистовству, расслаблению, насмешкам, поношениям»⁷. Святитель Василий Великий писал о пьянстве как особом виде беснования: «Пьянство, — этот добровольно накликаемый бѣсъ, чрезъ сластолюбіе вторгающійся въ душу, пьянство — мать порока, противленіе добродѣтели, дѣлаетъ мужественнаго робкимъ, цѣломудреннаго похотливымъ, не знаетъ правды, отнимаетъ благоразуміе. Какъ вода враждебна огню, такъ неумѣренность въ винѣ угашаетъ разсудокъ»⁸.

Проблема пьянства в России волновала Достоевского на всем протяжении его творческого пути. Герои произведений Достоевского — люди Нового Завета, но в их жизни сочетаются античность и христианство, это касается и эпизодов, описывающих пьянство.

В романе «Бедные люди» (1846) из тетради воспоминаний Вареньки Доброселовой читатель узнает о судьбе старика Покровского, который «с горя от жестокостей жены своей, предался самому дурному пороку и почти всегда бывал

в нетрезвом виде»⁹. В романе появляется повесть А. С. Пушкина «Станционный смотритель», которую Варенька дает почитать Макару Девушкину. Герой был потрясен этим произведением, а именно тем, что Самсон Вырин спился: «Меня чуть слезы не прошибли, маточка, когда я прочел, что он спился, грешный, так, что память потерял, горьким сделался и спит себе целый день под овчинным тулупом, да горе пуншиком захлебывает, да плачет жалостно, грязной полою глаза утирая, когда вспоминает о заблудшей овечке своей, об дочке Дуняше!» (1, 59) Далее Макар Девушкин заключает: «Дело-то оно общее, маточка, и над вами и надо мной может случиться» (1, 59).

Из писем Вареньки Доброселовой мы узнаем, что Макар Девушкин, человек «поведения трезвого» (1, 61), предался греху пьянства. Макар Девушкин пьет, чтобы забыть свое горе и унять душевную боль. «Впрочем, что ж тут такого, маточка, особенного? Отчего же сердца своего не поразвеселить?» (1, 81), «бедствия страшные и убивают дух мой!» (1, 73), «упал духом, маточка» (1, 82), — так герой объясняет свое поведение. Макар Девушкин соперживает горю Вареньки, трагедии семейства Горшковых, он живет, «вечно тоскуя и болея чужим горем» (1, 76).

Сердце Макара Девушкина пронзило горе, когда он узнал, что Вареньку оскорбляют «недостойными предложениями», бесчестят сплетнями, он усомнился в своем достоинстве, когда принял от нее сиротские копеечки. Герой убедился в том, что он хуже «ветошки» (1, 79), «немногим разве получше подошвы своей» (1, 82). Макар Девушкин теряет чувство своего достоинства: «Ну, а как потерял к себе самому уважение, как предался отрицанию добрых качеств своих и своего достоинства, так уж и всё пропадай, тут уж и падение!» (1, 82).

И всё же, несмотря на невзгоды, Макар Девушкин преображается, он сознает себя и мир в слове, обретает дар слова, у него «слог становится», происходит спонтанное превращение героя романа в писателя: «...вопреки его прошлому, его воспитанию, происхождению, одним словом, среде, вопреки социальной униженности и культурной обделенности героя.

Макар Девушкин не только и не столько начинает чувствовать и мыслить, как лучшие из лучших, сколько понимает то, что дано и открывается только ему одному» [Захаров, 1989: 40]. И хотя, по-видимому, герой повторит судьбу Самсона Вырина и сопьётся, чудо случилось: он обрел смысл бытия.

В романе «Униженные и оскорбленные» (1861) тема пьянства связана с любителем вина, школьным товарищем Ивана Петровича по губернской гимназии — Филиппом Филипповичем Маслобоевым. Почти через шесть лет после окончания гимназии его, хмельного, «в скверной шинели и в засаленном картузе» (3, 261), встречает Иван Петрович на Васильевском острове. Многое переменялось в жизни Маслобоева за эти годы. Обращаясь к Ивану Петровичу, он просит его не удивляться: «Не удивляйся. Всё может с человеком случиться, что даже и не снилось ему никогда, и уж особенно тогда... ну, да хоть тогда, когда мы с тобой зубрили Корнелия Непота!» (3, 264–265). Корнелий Непот был первым классическим писателем в дореволюционных гимназиях, сочинение которого на латинском языке «*De viris illustribus*» («О знаменитых иноземных полководцах») читали и переводили гимназисты того времени. Н. Ф. Кошанский в «Замѣчаніяхъ для учащихся» в издании Корнелия Непота 1816 г. отмечает, что книга латинского писателя имеет воспитательную ценность, так как богата примерами для подражания: «Сколько героевъ, сколько великихъ мужей и славныхъ дѣлъ! <...> если кто изъ васъ, читая *Аристиду*, *Эпаминонда*, *Ганнибала* и проч: будетъ примѣчать, какъ они думали и поступали, будетъ стараться самъ также чувствовать и мыслить, будетъ искренно желать быть имъ подобнымъ; тотъ въ самомъ дѣлѣ возвысится душою, приготовитъ для себя нравственный характеръ и, кто знаетъ? — можетъ быть столько же, какъ они, будетъ полезенъ своему отечеству»¹⁰.

Маслобоев изменил идеалам юности, преступил через свою совесть и пошел против правды ради денег, представляя себя великим человеком только в мечтах, лежа на диване: «Я вот напьюсь, лягу себе на диван (а у меня диван славный, с пружинами) и думаю, что вот я, например, какой-нибудь Гомер или Дант, или какой-нибудь Фридрих Барбаруса, — ведь всё

можно себе представить» (3, 266). Тем не менее Маслобоев смиряется. Нечестная жизнь приносит герою нравственные страдания, так как он помнит уроки юности и жалеет о своей несостоявшейся порядочной жизни. «Но ты, Ванюша, не осуждай меня безвозвратно...» (3, 440), — просит Маслобоев Ивана Петровича. Смирение и осознание своего падения сохраняет для Маслобоева надежду на новую жизнь.

В повести «Записки из подполья» (1864) школьные товарищи пьют на прощальном обеде, который они устроили своему соученику Зверкову. Он богат, получил наследство в двести душ, пользуется влиянием среди сверстников. Перед ним заискивали и увивались мальчишки, аплодировали его фразёрству. Подпольный парадоксалист слышал о кутежах Зверкова, знал, что именно в разгульной и беспорядочной жизни его товарищи видели превосходство Зверкова над другими, не преуспевшими в служебной карьере чиновниками. Иного способа отметить значимое событие, кроме как провести время в шумной попойке, Зверков и его друзья — Симонов, Трудолюбов и Ферфичкин — не знают. Парадоксалист, считая кутеж школьных товарищей низким, подлым и унижительным для себя, пьет с ними, «отстаивая свободу воли», «природную и духовную суверенность» [Захаров, 2005: 646], защищая возможность «иметь право пожелать себе даже и глупейшего» (5, 115), ведь и он, если захочет, вправе пить и оплатить свой кутеж хотя бы и последними деньгами.

В 1864 году Достоевский замыслил повесть «Пьяненькие», героями которой должна была стать семья Мармеладовых. Сюжетная линия неосуществленного произведения вошла в «Преступление и наказание». Во второй главе романа пьяный Мармеладов излагает свою философию жизни: «И чем более пью, тем более и чувствую. Для того и пью, что в питии сем сострадания и чувства ищю. Не веселья, а единой скорби ищю... Пью, ибо сугубо страдать хочу!» (6, 15). Мармеладов находит в пьянстве скорбь и страдание. Осознание своего глубочайшего падения приносит герою душевную боль: герой чувствует болезнь Катерины Ивановны, голод детей, страдание Сонечки и позор своего пьянства. В разговоре с Раскольниковым он открывает свое понимание Евангелия: на Страшном

Суде Господь сядет на престол и будет судить народы. Раскаивающийся Мармеладов надеется на Божью милость, верит, что Господь не отринет его. Люди в распивочной смеются над Мармеладовым и ругаются, однако и они на время замирают и замолкают, когда он рисует картину Страшного Суда.

Пьяный Мармеладов сравнивает себя со свиньей: «...осмелитесь ли вы, взирая в сей час на меня, сказать утвердительно, что я не свинья?», «...я пусть свинья... Я звериный образ имею...» (6, 14), «...я прирожденный скот!» (6, 15).

Мармеладов представляет себе, что на Страшном Суде Спаситель обратится к пьяницам с такими словами: «Свиньи вы! образа звериного и печати его; но приидите и вы!» (6, 21).

Слова Мармеладова сопоставимы со словами из Покаянного канона ко Господу нашему Иисусу Христу (Песнь 6): «Кто творит таковая, якоже аз? Якоже бо свиния лежит в калу, тако и аз греху служу. Но Ты, Господи, исторгни мя от гнуса сего и даждь ми сердце творити заповеди Твоя»¹¹. Таким образом, герой Достоевского, принижающий себя, ставящий себя в один ряд с бессловесными и уподобляющий себя грязной свинье, приобретает черты евангельского кающегося грешника, мытаря или благоразумного разбойника.

Пьяный Мармеладов верит во всепрощающую любовь Божию, и отблески Божьего милосердия он надеется встретить и в людях: «Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти» (6, 14), и далее: «...ведь надобно же, чтоб у всякого человека было хоть одно такое место, где бы и его пожалели!» (6, 15).

Достоевский устраивает встречи героев в трактире, сводит их за столом в распивочной. Как в античном симпозиуме за столом происходит испытание человека, открытие его сущности, так же и Свидригайлов в трактире рассказывает о себе, о том, почему он пьет, откровенничает о разврате и женщинах. В пьянстве Свидригайлов ищет новые грани разврата. Герой усомнился в вечной жизни, в Царствии Небесном, и потому жизнь его потеряла смысл. Душа его, лишенная подлинно высокого, Божественного, приняла ужасающие формы греха. Свидетелем самоубийства Свидригайлова оказался человек,

«закутанный в серое солдатское пальто и в медной ахиллесовой каске» (6, 394), стоящий у ворот большого дома с каланчой. Автор не случайно называет его Ахиллесом — именем античного героя, знающего о своей ранней гибели и о невозможности изменить судьбу. Образ Ахиллеса акцентирует обреченность Свидригайлова в сцене его самоубийства.

С ужасающей стороны пьянство показано Достоевским в страшном сне Раскольниковова, в котором пьяные мужики, одетые в красные и синие рубашки, смеющиеся и поющие разгульные песни, убивают лошадь. В этой сцене участники чудовищного развлечения приобретают бесовские черты: «Ну и впрямь, знать, креста на тебе нет!» (6, 49) — кричали из толпы пьяному Миколке, убивающему оглоблей свою кобыленку.

Античная идея дионисийства, вакханалии с ее темной и разрушительной стороны воплощается в романе «Бесы». Святитель Тихон Задонский приводит наставления святителя Иоанна Златоуста о том, что «никто так не бывает диаволу любим, как в пьянстве пребывающий. И подлинно так: понеже так воли его злой не исполняет, как пьяница; чего бо трезвый не сделает, на то пьяный дерзает»¹². Неслучайно окончание бала у Юлии Михайловны и начало нового дня мерещатся повествователю как «безобразный, кошмарный сон» (10, 385):

«Несколько десятков гуляк, а с ними даже несколько дам осталось в залах. Полиции никакой. Музыка не отпустили и уходивших музыкантов избили. К утру всю “палатку Прохорыча” снесли, пили без памяти, плясали комаринского без цензуры, комнаты изгадили, только на рассвете часть этой ватаги, совсем пьяная, подоспела на догоравшее пожарище на новые беспорядки... Другая же половина так и заночевала в залах, в мертвопьяном состоянии, со всеми последствиями, на бархатных диванах и на полу. Поутру, при первой возможности, их вытащили за ноги на улицу. Тем и кончилось празднество в пользу гувернанток нашей губернии» (10, 393).

Пьянство в романе предстает как одно из проявлений бесовства: ненавидя Россию, пьяные революционеры и либералы устроили беспорядки в обществе, смеялись над человеческим достоинством, унижали честных людей, выставляли их на посмешище, святотатствовали, убивали, устраивали пожары.

Еще ярче идея дионисийства проявляется в «Братьях Карамазовых», в описании кутежа Мити Карамазова с Грушенькой в Мокром. «Началась почти оргия, пир на весь мир» (14, 390), «началось нечто беспорядочное и нелепое» (14, 390), — так воспринимает происходящее повествователь. Герой переживает состояние восторга и умиления; после — хоть в Сибирь, хоть застрелиться. Авторская же позиция угадывается в названии главы — «Бред».

Над темой пьянства Достоевский задумывался на страницах «Гражданина», будучи редактором этого еженедельника с 1 января 1873 по 15 апреля 1874 года. Почти в каждом номере «Гражданина» встречаются заметки о поражающем население России пьянстве. «Еженедельник протестовал против покрытия государственного финансового дефицита с помощью “питейного дохода”. Достоевский, став редактором, продолжил тему, она стала при нем еще более значимой и острой», — отмечает В. А. Викторovich [Викторovich: 23].

Уже в первом номере журнала за 1873 год Т. И. Филиппов в статье «О государственной росписи» (атрибутировано: [Викторovich: 232]) указывает главные причины народного пьянства: нищету, безграмотность, духовную и культурную оставленность, государственную власть, получающую доходы от питейных заведений: «...народъ, оставленный въ нравственномъ отноше- нии самому себѣ, лишенный помощи церковной проповѣди и благоустроенной школы, не имѣющий никакого приличнаго и безвреднаго для его нравовъ пріюта для праздничнаго отдохновенія отъ тягостныхъ будничныхъ трудовъ, по неволѣ рвется къ кабаку, не очень смущаясь тѣмъ, что мы, покоящіеся его безпокойствомъ, самодовольно обзываемъ его пьяницей»¹³.

О путях исцеления от недуга пьянства размышлял князь В. П. Мещерский в статьях: «Что может спасти Россію отъ повальнаго пьянства?» (№ 20, 1873, 14 мая), «Письма вольнодумца. <...> — Не будь кабака, чѣмъ бы могъ быть русскій человѣкъ» (№ 27, 1873, 2 июля), «Неизбѣжныя размышленія. I. Кто пьянѣ: мы или они?» (№ 39, 1873, 24 сентября).

Остроту вопросу пьянства как духовного недуга придал «Дневник Писателя» за 1873 год, где Достоевский, показывая жестокость, которую неизменно несет пьянство, размышлял

о России и ее судьбе (примером могут служить главы «Влас» (1873, № 4, 22 января), «Смятенный вид» (1873, № 8, 19 февраля), «Полписьма “одного лица”» (1873, № 10, 5 марта)). В главе «Мечты и грёзы» писатель сетует на повсеместное пьянство, спаивание народа: «Есть мѣстности гдѣ на полсотни жителей и кабакъ, менѣе даже чѣмъ на полсотни. <...> Матери пьютъ, дѣти пьютъ, церкви пустѣютъ, отцы разбойничаютъ; бронзовую руку у Ивана Сусанина отпилили и въ кабакъ снесли; а въ кабакъ приняли! Спросите лишь одну медицину: какое можетъ родиться поколѣніе отъ такихъ пьяницъ? <...> Такъ и будетъ если дѣло продолжится, если самъ народъ не опомнится; а интеллигенція не поможетъ ему...» (1873, № 21, 21 мая).

В трех номерах еженедельника за 1873 год печаталась «Комедия въ 5-ти дѣйствіяхъ изъ народнаго быта (фабричнаго) Д. Кишенского» (№ 23, 24, 25). Ее название — «Пить до дна — не видать добра».

На страницах «Гражданина» пьянство рассматривалось как катастрофа, поражающая народ, наравне с мором, потопом, пожаром, нашествием врагов.

В романе «Братья Карамазовы» (1879–1880) писатель устами старца Зосимы указывает на духовную причину пьянства — ложь людям и самому себе:

«Лгущий самому себе и собственную ложь свою слушающий до того доходит, что уж никакой правды ни в себе, ни кругом не различает, а стало быть, входит в неуважение и к себе и к другим. Не уважая же никого, перестает любить, а чтобы, не имея любви, занять себя и развлечь, предается страстям и грубым сладостям и доходит до скотства в пороках своих, а всё от непрерывной лжи и людям и самому себе» (14, 41).

Старец указывает на пьянство как на причину многих несчастий:

«Народ загноился от пьянства и не может уже отстать от него. А сколько жестокости к семье, к жене, к детям даже; от пьянства всё» (14, 286).

Всё же в поучениях старца сквозит надежда на спасение русского народа от пьянства. Спасение это — в вере в Бога и осознании пьянства как смрадного греха, проклятого Богом:

«Но спасет Бог Россию, ибо хоть и развратен простолюдин и не может уже отказать себе во смрадном грехе, но всё же знает что проклят Богом его смрадный грех и что поступает он худо греша. Так что неустанно еще верует народ наш в правду, Бога признает, умилительно плачет. Не то у высших. Те во след науке хотят устроиться справедливо одним умом своим, но уже без Христа, как прежде, и уже провозгласили что нет преступления, нет уже греха»¹⁴.

Стоя на коленях у гроба старца, Алеша слушал Евангелие о браке в Кане Галилейской, на котором Христос сотворил первое чудо — претворил воду в вино, «радость людскую посетил», «радости людской помог» (14, 326). Постепенно Алеша засыпает. Во сне границы кельи старца раздвинулись, и взору Алеши открылся брак в Царстве Небесном, на который призван каждый человек. Господь здесь вновь превращает воду в вино, «чтобы не прекращалась радость, новых гостей ждет, новых беспрерывно зовет и уже на веки веков» (14, 327). Здесь же Алеша встречает старца Зосиму, который зовет Алешу поближе к столу: «Веселимся <...> пьем вино новое, вино радости новой, великой» (14, 327). «Кто любит людей, тот и радость их любит» (14, 326), — дает духовное напутствие Алеше старец. Сон о браке в Кане Галилейской производит духовную перемену в Алеше и утверждает его «в идее деятельной любви» [Захаров, 2013: 420]. Во сне Алеша зван на пир в Царствии Небесном, призван начать «дело свое». «Наш писатель вообще сочувствовал человеческому веселью, безгрешной радости», — писал о Достоевском митрополит Антоний (Храповицкий) [Антоний]. В Евангелии Господь совершает чудо на браке в Кане Галилейской — претворяет воду вино и этим чудом освящает человеческую радость. Грех же пьянства оскорбляет Божий дар и делает человека посмешищем. В этом — отличие понятий бражничества как веселья на пиру и пьянства как греха (см. об этом: [Кунильский]).

Тема «пьяненьких», проблема пьянства, бывшая неизменно в сфере интересов Достоевского, возникавшая как на страницах его художественных произведений, так и в публицистическом дискурсе, должна рассматриваться не только в традиционном христианском, но и в античном аспекте. В концепте пьянства у Достоевского есть семантические слои, восходящие к античному мотиву пира, симпозиума, на котором вино не только побуждало

пирующих к философским беседам, но и раскрывало внутреннюю суть человека — его мысли, чувства и побуждения. С неумеренным потреблением вина соотносится античная идея дионисийства — опьянения на празднике Диониса и метаморфозы, вызванные этим опьянением: превращение человека в бессловесное существо. В жизненных перипетиях героев произведений Достоевского «Бедные люди», «Униженные и оскорбленные», «Записки из подполья», «Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы» античная традиция соседствует с христианским толкованием пира как бражничества — веселья на пиру и пьянства как греха. В еженедельнике Достоевского «Гражданин» пьянство характеризуется как тяжелое бедствие, духовный недуг, поражающий народ России. Античный ракурс позволяет раскрыть дополнительные смысловые пласты в трактовке темы пьянства у Достоевского.

Примечания

- ¹ Платон. Собр. соч.: в 4 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. Т. 3. Ч. 2. С. 121–124.
- ² Пер. Вяч. Иванова. Цит. по: Античная лирика: переводы с древнегреческого и латинского / вступ. ст. С. Шервинского; сост. и примеч. С. Апта и Ю. Шульца. М.: Худож. лит., 1968. С. 53.
- ³ Пер. В. Вересаева. Цит. по: Античная лирика: переводы с древнегреческого и латинского / вступ. ст. С. Шервинского; сост. и примеч. С. Апта и Ю. Шульца. М.: Худож. лит., 1968. С. 163.
- ⁴ Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь: репринт V издания 1899 г. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2006. С. 801.
- ⁵ Еврипид. Вакханки / пер. И. Анненского. [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.ru/POEEAST/EVRIPID/evripid2_6.txt (30.11.2020).
- ⁶ Златоуст И. Толкование на святого Матфея Евангелиста. Беседа 57 [Электронный ресурс]. URL: <https://svyatye.com/chitat/Sviatitel-Ioann-Zlatoust-Polnoe-sobranie-tvorenii-Tom-7-Chast-2/3404/> (21.09.2020).
- ⁷ Там же.
- ⁸ Василий Великий. Бесѣда 14 «На упивающихся» // Творенія иже во святых отца нашего Василя Великаго архієпископа Кесаріи Каппадокійскія: репринт издания 1846 г. М.: Паломник, 1993. Ч. IV. С. 243–257.
- ⁹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 1. С. 33. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома (нижним индексом — полутома) и страницы в круглых скобках.
- ¹⁰ Кошанский Н. Замечания для обучающихся // Корнелий Непот. О жизни славнейших полководцев: с замечаниями, хронологическою таблицей

- и двумя словарями 1) для географии; 2) для слов / издание учебное, очищенное, Н. Кошанского, докт. фил., над. сов. и профес. Лицея. СПб.: в Медицинской типографии, 1916. С. [1–2].
- ¹¹ Канон покаянный ко Господу нашему Иисусу Христу (Песнь 6) [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/molitvoslov/kanon-po-kayannyj-ko-gospodu-nashemu-iisusu-xristu.html> (30.11.2020).
- ¹² Иоанн (Маслов И. С., схиархим.). Симфония по творениям святителя Тихона Задонского [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Maslov/simfonija-po-tvorenijam-svjatitelja-tihona-zadonskogo/256 (21.09.2020).
- ¹³ Архив журнала Ф. М. Достоевского «Гражданин» см.: <https://philolog.petrstu.ru/fmdost/grajd/grajdanin.html> (21.09.2020).
- ¹⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье, 2014. Т. 13. С. 259.

Список литературы

1. Аношкина В. Н., Касаткин Н. В. Платон и Достоевский // Язык и текст. 2017. Т. 4. № 4. С. 12–29. DOI: 10.17759/langt.2017040402
2. Антоний (Храповицкий А. П., митр.). Ф. М. Достоевский как проповедник возрождения // Евангелие Достоевского: в 3 т. Тобольск: Российская государственная библиотека; Возрождение Тобольска, 2017. Т. 3. С. 99–374.
3. Викторovich В. А. Ф. М. Достоевский — редактор «Гражданина» (1873–1874). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. 426 с.
4. Дудкин В. В. Софокл и Достоевский: сходное в несходном // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Ин-т русской литературы, 2016. Т. 21. С. 3–16.
5. Захаров В. Н. Что открыл Достоевский в «Бедных людях»? // Достоевский и современность: Тезисы выступлений на «Старорусских чтениях». Новгород, 1989. С. 37–41.
6. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский : очерк творчества. М.: Изд-во «Индрик», 2013. 456 с.
7. Захаров В. Н. Трагедия и сатира: «вечные» роли героев Достоевского // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. Т. 6. С. 641–657.
8. Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия // Властитель дум: Ф. М. Достоевский в русской критике конца XIX — начала XX века. СПб.: Худож. лит., 1997. С. 394–439.
9. Кунильский Д. А. Тема бражника у Ф. М. Достоевского и К. Аксакова // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск; СПб.: Алетейя, 2011. Вып. 9. С. 180–190 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1430312142.pdf (01.05.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2011.315
10. Мальчукова Т. Г. Достоевский и Гомер: к постановке проблемы // Новые аспекты в изучении Достоевского: сб. науч. тр. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 3–36.

11. Мень А. В. История религии: в поисках Пути, Истины и Жизни: в 7 т. М.: Слово, 1992. Т. 4: Дионис, Логос, Судьба: греческая религия и философия от эпохи колонизации до Александра. 270 с.
12. Нилова А. Ю. Латинский язык в творчестве Ф. М. Достоевского // Фортуна-овские чтения в Карелии: сб. докладов международной научной конференции (10–12 сентября 2018 года, г. Петрозаводск). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. Ч. 2. С. 36–38.
13. Нилова А. Ю. Античная трагедия творчестве Ф. М. Достоевского // Россия и Греция: диалоги культур: материалы IV Международной конференции. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. Ч. 3. С. 73–77. (a)
14. Нилова А. Ю. Достоевский и Аристотель (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 1. С. 64–77 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1554288537.pdf (30.11.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6042 (b)
15. Пумпянский Л. В. Достоевский и античность // Классическая традиция: собр. тр. по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 506–529.
16. Скоропадская А. А. Вопрос о классическом образовании в публицистическом осмыслении Ф. М. Достоевского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 25–30.
17. Скоропадская А. А. Семантика евангельского эпиграфа к роману «Бесы» Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 4. С. 209–228 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1604310871.pdf (30.11.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8802
18. Смирнова Е. Л. «Неро (артист)» в рабочей тетради Ф. М. Достоевского 1864–1867 гг. // Неизвестный Достоевский. 2020. № 1. С. 118–132 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587665971.pdf (30.11.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4441 (a)
19. Смирнова Е. Л. Римские цезари в каллиграфических записях к роману Достоевского «Идиот» // Неизвестный Достоевский. 2020. № 4. С. 177–207 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607610365.pdf (30.11.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4994 (b)
20. Хамитов М. Р. Разговоры в царстве мертвых: «Бобок» Достоевского // Достоевский: материалы и исследования. СПб.: Ин-т русской литературы. 2016. Т. 21. С. 29–43.

References

1. Anoshkina V. N., Kasatkin N. V. Plato and Dostoevsky. In: *Yazyk i tekst [Language and Text]*, 2017, vol. 4, no. 4, pp. 12–29. DOI: 10.17759/langt.2017040402 (In Russ.)
2. Antoniy (Khrapovitskiy A. P., metropolitan). F. M. Dostoevsky as Prophet of the Rebirth. In: *Evangelie F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh [The Gospel of*

- F. M. Dostoevsky: in 3 Vols*]. Tobolsk, Russian State Library Publ., Vozrozhdenie Tobol'ska Publ., 2017, vol. 3, pp. 99–374. (In Russ.)
3. Viktorovich V. A. *F. M. Dostoevskiy — redaktor «Grazhdanina» (1873–1874)* [*F. M. Dostoevsky as Editor of Grazhdanin ("Citizen") (1873–1874)*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2019. 426 p. (In Russ.)
 4. Dudkin V. V. Sophocles and Dostoevsky: The Similar in the Dissimilar. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. St. Petersburg, 2016, vol. 21, pp. 3–16. (In Russ.)
 5. Zakharov V. N. What Has Dostoevsky Discovered in “Poor Folk”? In: *Dostoevskiy i sovremennost': Tezisy vystupleniy na "Starorusskikh chteniyah"* [*Dostoevsky and Modernity: Speech Thesis of the Studies in Staraya Russa*]. Novgorod, 1989, pp. 37–41. (In Russ.)
 6. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [*The Author's Name is Dostoevsky. An Essay on the Creative Work*]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
 7. Zakharov V. N. Tragedy and Satire: The Eternal Roles of Dostoevsky's Heroes. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [*Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2005, vol. 6, pp. 641–657. (In Russ.)
 8. Ivanov V. Dostoevsky and the Novel-Tragedy. In: *Vlastitel' dum: F. M. Dostoevskiy v russkoy kritike kontsa XIX — nachala XX veka* [*The Mastermind: F. M. Dostoevsky in Russian Criticism of the Late 19th — Early 20th Century*]. St. Petersburg, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1997, pp. 394–439. (In Russ.)
 9. Kuniilskiy D. A. The Image of Brazhnik (Reveller) in the Works of Dostoevsky and K. Aksakov. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2011, issue 9, pp. 180–190. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1430312142.pdf (accessed on May 1, 2020). DOI: 10.15393 / j9.art.2011.315 (In Russ.)
 10. Mal'chukova T. A. Dostoevsky and Homer: to the Problem Statement. In: *Novye aspekty v izuchenii Dostoevskogo* [*New Aspects in Studying of Dostoevsky*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, pp. 3–36. (In Russ.)
 11. Men' A. V. *Istoriya religii: v poiskakh Puti, Istiny i Zhizni: v 7 tomakh* [*The History of Religion: In Search of the Way, Truth and Life: in 7 Vols*]. Moscow, Slovo Publ., 1992, vol. 4. 270 p. (In Russ.)
 12. Nilova A. Yu. The Latin Language in Dostoevsky's Works. In: *Fortunatovskie chteniya v Karelii: sbornik dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (10–12 sentyabrya 2018 goda, Petrozavodsk)* [*Fortunatov Readings in Karelia: Collection of Articles of the International Scientific Conference (September 10–12, 2018, Petrozavodsk)*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2018, part 2, pp. 36–38. (In Russ.)

13. Nilova A. Yu. Ancient Tragedy in Dostoevsky's Works. In: *Rossiya i Gretsiiya: dialogi kul'tur: materialy IV Mezhdunarodnoy konferentsii* [Russia and Greece: Dialogues of Cultures: Materials of the 4th International Conference]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2019, part 3, pp. 73–77. (In Russ.) (a)
14. Nilova A. Yu. Dostoevsky and Aristotle (Formulation of the Problem). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2019, vol. 17, no. 1, pp. 64–77. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1554288537.pdf (accessed on November 30, 2020). (In Russ.) (b)
15. Pumpyanskiy L. V. Dostoevsky and Antiquity. In: *Klassicheskaya traditsiya: sobranie trudov po istorii russkoy literatury* [Classical Tradition: Collection of Works on the History of Russian Literature]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000, pp. 506–529. (In Russ.)
16. Skoropadskaya A. A. The Question of Classical Education in Fyodor Dostoevsky's Journalism. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2019, no. 5 (182), pp. 25–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.347 (In Russ.)
17. Skoropadskaya A. A. Semantics of the Gospel Epigraph to F. M. Dostoevsky's Novel "Demons". In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 4, pp. 209–228. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1604310871.pdf (accessed on November 30, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8802 (In Russ.)
18. Smirnova E. L. "Nero (Artist)" in F. M. Dostoevsky's Workbook of 1864–1867. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2020, no. 1, pp. 118–132. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587665971.pdf (accessed on November 30, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4441 (In Russ.) (a)
19. Smirnova E. L. Roman Emperors in Dostoevsky's Calligraphic Notes to "The Idiot". In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2020, no. 4, pp. 177–207. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607610365.pdf (accessed on November 30, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4994 (In Russ.) (b)
20. Khamitov M. R. Dialogues of the Dead: "Bobok" by Dostoevsky. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches], 2016, vol. 21, pp. 29–43. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Куйкина Евгения Сергеевна, *Evgeniia S. Kuikina*. PhD (Philology), кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики, Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина, 33, г. Петрозаводск, Республика Карелия, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2781-2626>; e-mail: egene@list.ru. Associate Professor of the Department of Classical Literature, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (pr. Lenina 33, Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2781-2626>; e-mail: egene@list.ru.

Поступила в редакцию / Received 29.08.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 11.12.2020

Принята к публикации / Accepted 18.01.2021

Дата публикации / Date of publication 05.02.2021